

opusdei.org

Христианский материализм бл. Эскрива, "Истина и Жизнь", март 1997

Евгений Пазухин

18.04.2002

Духовность Opus Dei не является каким-либо «новшеством» -она полностью укоренена в евангельском учении. Новым было внедрение ее в абсолютно чуждый ей мир, давно утративший связь с новозаветным мировосприятием.

Необходимо было не только напомнить евангельский призыв, но и снять почти полностью закрывшие его многовековые наслоения. Поэтому в высказываниях отца Эскрива об открывшемся ему пути святости в миру часто слышатся полемические нотки: «Стремись к освящению души. - Это я говорю и для тебя. Неужели ты думаешь, что к святости призваны одни священники и монахи? Ко всем относятся слова Господа: Будьте совершенны, как Отец Мой совершен»(1).

Почти полностью клерикализованное современное церковное сознание, естественно, противится такому «обмирщению» понятия святости, видя в этом утрату христианской духовности. О подобных ревнителях не по разуму бл. Эскрива говорил, что они «хотели

представить христианскую жизнь чисто духовной и полагали, что ею живут особые, чистые люди, далекие от презренного мира или только терпящие его, пока они здесь, на земле. Если видят вот так, то христианская жизнь сосредотачивается в храмах. Быть христианином - значит ходить в церковь, участвовать в священнослужении, заниматься церковными делами, словом - жить в особом, отдельном мирке, как бы в преддверии рая, пока другой, обычный мир идет своим путем» (2).

Но бл. Эскрива не только призывал отказаться от искажившей церковное сознание излишней спиритуализации христианства, но шел еще дальше, утверждая «высокое значение материи», выдвигая идею «христианского материализма»: «Истинное христианство верит в

телесное воскресение, а потому, вполне логично, всегда отвергало развоплощение, ничуть не боясь, что его обвинят в материализме. Мы вправе говорить о материализме христианском, который смело противостоит материализму, не видящему духа» (3).

Бл. Эскрива всегда подчеркивал то, что христианские Таинства и, прежде всего Таинство Евхаристии являются наиболее отчетливыми «следами воплощенного Слова». Но, в то же время, он настойчиво выступал против разрыва, а тем более противопоставления друг другу, церковного богослужения и служения Богу в миру: «Студентам и рабочим, которые собирались со мной в тридцатых годах, я говорил, что им надо овеществить свою духовную жизнь. Я хотел, чтобы они избежали соблазна

двойной жизни,
распространенного и тогда, и
теперь: по одну сторону - жизнь
внутренняя, связь с Богом, по
другую, совсем отдельно -
профессиональная, социальная,
семейная, где толпятся и кишат
мелкие земные дела. Нет, дети
мои! Мы так жить не можем! Мы -
христиане, а не шизофреники.
Жизнь - одна, ее мы и должны
освятить, наполнить Богом и
плоть, и дух. Невидимого Бога мы
открываем в самых видимых,
материальных вещах» (4).

В этом синтезе видимого и
невидимого, может быть, и
состоит главная «новизна» учения
бл. Эскрива. Открытие духовного в
материальном - не что иное, как
«созерцательность в миру», к
которой постоянно призывал отец
Хосемария. Этот неслышанный
миром новозаветный призыв отец
Эскрива год за годом

«проповедовал на кровлях», пока ему не вняли хотя бы некоторые.

Со второй половины прошлого века в среде русской нерелигиозной интеллигенции начинается настойчиво обсуждаться тема труда.

Дворянско-интеллигентское, а затем и разночинское преклонение перед народом было, прежде всего, преклонением перед его трудом. Это проявилось и в поэзии Некрасова, и в произведениях Толстого, Чехова, Глеба Успенского, Добролюбова и многих других. «Хорош Божий свет, - говорит Чехов. - Одно только нехорошо: мы... Работать надо, а все остальное - к чорту» (5).

В сознании представителей русской интеллигенции XIX века труд стал высочайшим идеалом, необходимым условием человеческого счастья,

важнейшим компонентом
картины совершенного
человеческого общества.

В романе «Бесы» Ф. М.
Достоевского профессор Степан
Трофимович Верховенский
призывает к труду следующими
словами: «У нас все от праздности,
и доброе и хорошее. Все от нашей
барской, милой образованной,
прихотливой праздности! Я
тридцать тысяч лет про это
твержу. Мы своим трудом жить не
умеем (...) Неужто не понимают,
что для приобретения мнения
первее всего надобен труд,
собственный труд, собственный
почин в деле, собственная
практика! Даром никогда ничего
не достанется. Будем трудиться,
будем и свое мнение иметь (...) Вот
уже двадцать лет как я бью в
набат и зову к труду!» (6)

Этот призыв к труду повторял барон Николай Львович Тузенбах в пьесе А. Чехова «Три Сестры»: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять - тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!» (7)

Труд становился своеобразной «религией», и в конце концов интеллигентский «культ труда» переродился в демонический культ, в атеистически-большевистское «трудовое воспитание», т.е. проделал эволюцию, неизбежную для всякого культа, не имеющего своим объектом Бога.

Как же ставилась проблема освящения труда и достижения христианского совершенства в миру в среде русской религиозно настроенной интеллигенции, а также в клерикальной и монашеской среде? Вот, например, что говорил Алеше Карамазову старец Зосима: «Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать. И ожениться должен будешь. Все должен будешь перенести, пока вновь прибудеши. А дела много будет. Но в тебе не сомневаюсь, потому и посылаю тебя. С тобой Христос. Сохрани Его, и Он сохранит тебя. Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: и в горе счастья ищи. Работай, неустанно работай...» (8)

Тут прослеживается явная параллель с тем, чему многие

годы спустя начал учить бл. Эскрива. «Великое послушание в миру», осуществление христианского подвига в браке, «радость о Боге» среди житейских невзгод и, наконец, «неустанная» самоотверженная работа - все это совпадает с принципами, лежащими в основе деятельности *Opus Dei*. Другое дело, что Алеша исходит в мир из монастыря по велению старца и в конце жизненного пути должен будет вернуться в монастырь. Такой «иноческий бумеранг», конечно, далек от духовности *Opus Dei* и его «мирской ментальности», но для России прошлого века, где монашеский подвиг почитался чуть ли не единственным путем спасения, это было, бесспорно, гениальное прозрение.

Из клерикальной и монашеской среды также раздавались призывы к расширению

храмовых и монастырских стен до границ всей земной жизни. Но опять же важно подчеркнуть то различие с духовностью *Opus Dei*, что в данном случае инициатива освящения мира исходит из недр монастыря, из монашеского сознания, а не из секулярного мировосприятия мирян. Происходит своего рода «монашеская экспансия» в мир.

По словам Хосемария Эскрива члены *Opus Dei* не имеют с монахами (как живущими в монастыре, так и живущими в миру) ничего общего, кроме веры. Но сама идея перенесения монашеского делания в мир свидетельствует о новом взгляде на земные дела и нарастающей заботе о судьбах мира сего.

Православный богослов отец Сергей Булгаков писал в 1921 году, на пути в изгнание: «...вся

Церковь - то есть и монастырь и мир одинаково призваны к плодоношению, и там и здесь она состоит из святых, разумеется, по призванию». (9)

Подобные идеи развивали такие православные богословы, как М. Афанасьев и А. Шмеман.

Последний, в частности писал: «Мы исходим в жизнь, чтобы свидетельствовать и исполнять свое призвание. Оно у каждого свое, и оно есть наше общее служение, общая Литургия - во единого духа причастие. - Господи, хорошо нам здесь Быти» (10).

В этих словах звучит пафос освящения человеком мира и себя в миру, созвучный духовности *Opus Dei*. И все же существует очень тонкое и глубокое различие. Лучше всех, пожалуй, определил его Папа Иоанн-Павел I еще в бытность свою кардиналом

Лючиани: «Святой Франциск Сальский также отстаивал святость для всех, но он скорее говорил о духовности для мирян, в то время как Эскрива проповедует мирскую духовность. Иными словами, святой Франциск предлагал мирянам воспользоваться для достижения святости теми же средствами, к которым прибегают монашествующие. Эскрива же значительно радикальнее - он говорит о материализации (в хорошем смысле этого слова) поиска святости. Для него сам повседневный труд должен превратиться в молитву, в путь к святости» (11).

Другими словами, «тайной» *Opus Dei*, по словам Хосемария Эскрива, является не профессиональная работа, а молитва: «Если ты не живешь внутренней жизнью и молитвой, то трудно поверить, что

твоя работа - в самом деле ради славы Божией» (12). Поэтому члены Opus Dei стремятся к тому, чтобы преобразовать свою работу в молитву. По учению Эскрива, работа доведенная до конца, предложенная Господу и исполненная пред Ликом Божиим, является молитвой: «Для апостола наших дней час учения - это час молитвы» (13).

Одухотворение материи, любовь к миру, секулярное мировосприятие - представления, очень важные для понимания духовности Opus Dei. В определении понятий: мир, мирское и т.п. в традиционном церковном восприятии присутствует отчетливый дуализм. Зачастую, мир оценивается как зло, юдоль греха и скорби. Сатана в Библии именуется «Князем мира сего», его служители – «детьми мира сего». «Мир во зле лежит» - одно из

наиболее привычных для русского религиозного сознания представлений. На другом полюсе христианского восприятия мира - понимание его, как превосходного творения Божия: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт 1,31). Мир в этом значении - земля и люди, несущие в себе начаток будущего преображения.

Именно этот, последний смысл преобладает в духовности, которую проповедовал в течении всей своей жизни бл. Эскрива. Он воспринимал мир как храм, в котором люди осуществляют свое служение Богу и ближним. Он утверждал что истинная «христианская жизнь протекает в обычном мире». Отец Эскрива постоянно напоминал о том, что Бог, создавший этот мир, «посмотрел на него и остался

доволен. Это мы, люди, портим его своим грехом и неверностью» (14).

Мир вручен Богом человеку как бы в незавершенном виде, открыт для его творческого участия в процессе Божественного домостроительства. Человек должен совершенствовать этот мир, овладевать им, накладывая на него свой отпечаток: И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею (Быт 1,28). Человек является со-творцом мира в течение всей его истории, начиная от наименования всех душ живых (Быт. 2,19) и кончая участием в освобождении твари в свободу славы детей Божиих (Рим. 8,21).

И после грехопадения мир по своей сути хорош весьма, он продолжает свидетельствовать о Боге: «от величия красоты

созданий сравнительно познается Виновник бытия их» (Прем. 13,5); «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1,20). Сверх того, мир Божий не может быть осмыслен в отрыве от спасительного замысла Божия, в котором только он и получает окончательное завершение. Замысел этот состоит в грядущем глубоком обновлении и преобразении мира, о котором в Библии говорится как о новом творении. Бог сотворит новое небо и новую землю (Ис. 65,17; 66,22), которые описываются теми же образными средствами, что и Рай, насажденный Господом в Эдеме (ср. Быт. 2,8-14; Ис. 65,17-25; Откр. 21,10-23).

Это дает основание говорить о новом творении как о преобразенном и очищенном

старом, в котором нынешний мир, как и падший человек, снова обретет свое первоначальное совершенство. В конце времен люди и мир должны прийти к себе таким, какими они пребывают в предвечном замысле Божиим, явленном нам во Христе, в Котором обитает вся полнота Божества телесно (Кол. 2,9). Мир, лежащий во зле (1 Ин. 5,19) сам не является злом. Если же мы станем утверждать обратное, то вынуждены будем признать, что вследствие грехопадения творение Божие претерпело коренное изменение, сущностно исказилось, то есть фактически приравняем Сатану или грешащего человека к Творцу всяческих. Природа человека была ранена первородным грехом, но не искажена.

Поверив во Христа, человек делается причастным

преображенному творению. В этом - источник христианского взгляда на мир, исполненного оптимизма, доверия, любви: «Человек, знающий, что Христа можно найти не только в храме, но и в мире, этот мир любит» (15). В этом мире, преобразенном Воскресением Христовым, верующие в Иисуса уже пронизываются Фаворским Светом, приобщаются вечной жизни. Мир отвергается теми, кто не принял всех последствий Воскресения, так же как и Воплощения Христа: «Истинное христианство верит в телесное воскресение, а потому, вполне логично, всегда отвергало развоплощение, ничуть не боясь, что его обвинят в материализме» (16).

Будучи не от мира (Ин 15,19), т.е. отказавшись от греха, человек может пребывать в мире (Ин

17,11) в силу естественной принадлежности и привязанности к нему: он родился в мире, любит и не покидает его. И это отвечает замыслу Божию о человеке, подтверждение чему мы находим в молитве Христа: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин 17,15). Призвание человека состоит в том, чтобы живя в этом мире, любить его любовью Божией (Ин 3,16) и содействовать его преобразению. Именно этому учил бл. Эскрива: «Стоит ли удивляться тому, что апостол писал: *...все ваше, вы же - Христовы, а Христос - Божий* (1 Кор. 3,22-23)? Вот оно, восходящее движение, которым Святой Дух, ниспосланный в наши сердца, хочет призвать нас отсюда ввысь, к Божией славе. А чтобы мы поняли, что в движение это входит все, даже самое будничное, апостол писал и так: *...едите ли,*

пъете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию (1 Кор. 10,31) (17). Итак мы видим, что пафос приятия мира, стремление к преображающему его труду, пронизывающие всю духовность *Opus Dei*, имеют прочное библейское основание.

При этом Эскрива учил своих детей сохранять сознание и взгляд мирянина: «Ваш искренний пыл, ваши молитвы и жертвы порождены не преданностью католической конфессии. Они свидетельствуют о зрелом гражданском сознании, которое обращено к общему благу здесь, на земле» (18). Это секулярное мировосприятие не имеет ничего общего с секуляризмом: обмирщающим, профанирующим взглядом на высокое и святое. Секулярность - открытость по отношению к миру, признание его ценности и достоинства, его права

существовать по его собственным внутренним законам. Это право и эту свободу даровал миру Сам Господь, принявший от него Плоть Свою и в ней освятивший и освободивший все творение.

1 Путь, 291

2 Беседы с отцом Эскрива, 114

3 Беседы с отцом Эскрива, 115

4 Беседы с отцом Эскрива, 114

5 Иван Тхоржевский, Русская Литература. Изд. Возрождение, Париж 1950. Стр 455.

6 Бесы; часть 1, гл. 1, ИБ.

7 Три сестры; Действие 1.

8 Братья Карамазовы; Часть 1, кн. 2, гл. 7 Семинарист-карьерист.

9 Символ, 25; Июль 1991; У стен Херсониса.

- 10 Протт. А. Шмеман; Евхаристия
Таинство Царства, стр. 307.
- 11 Иль Газеттино, 25-7-78.
- 12 Путь, 109
- 13 Путь, 335
- 14 Беседы с отцом Эскрива, 114
- 15 Там же, 116
- 16 Там же, 115
- 17 Там же, 115
- 18 Там же, 120